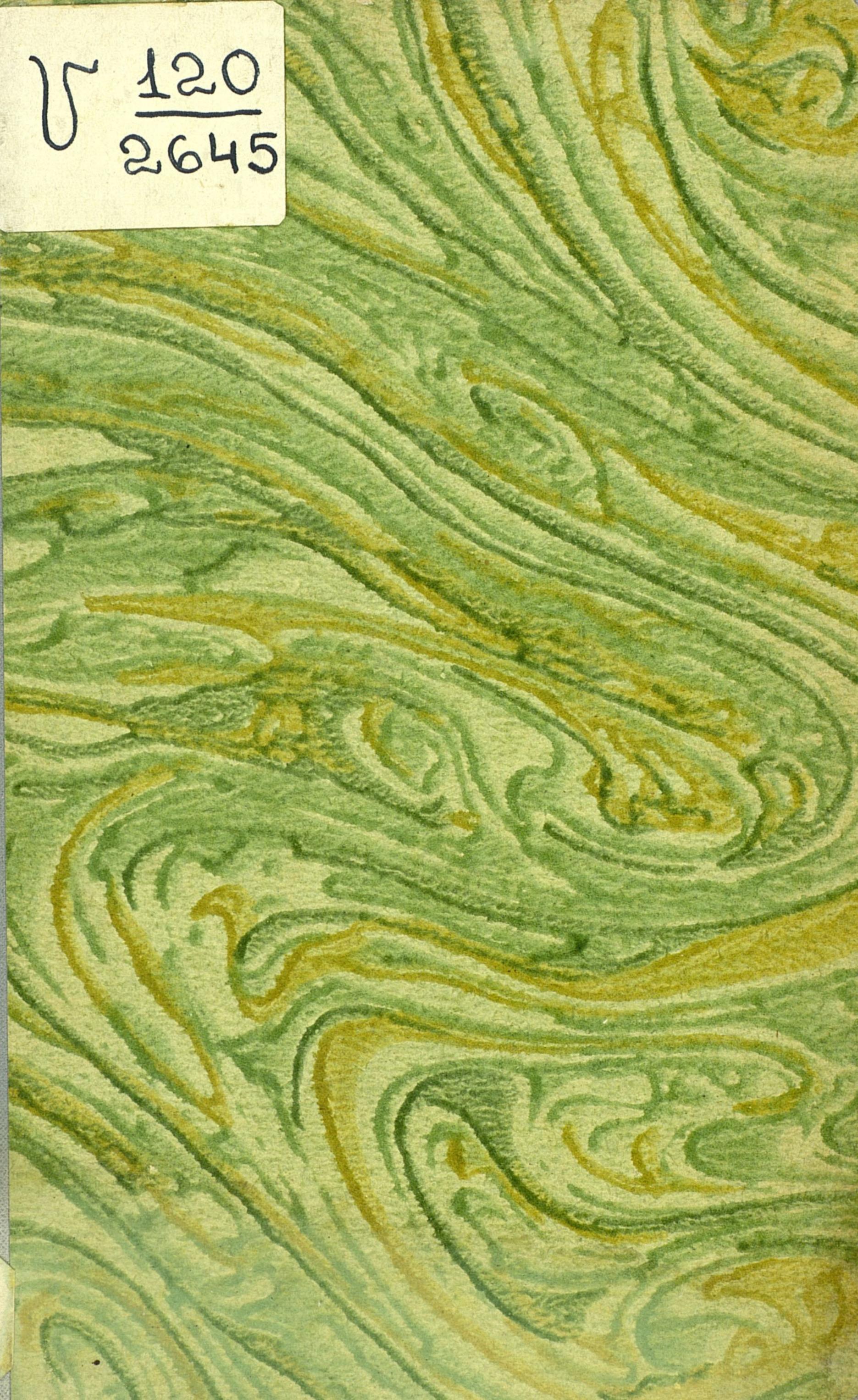

V 120
2645

2420
2675

Протоіерей Іоаннъ Полянскій

Московскій Епархіальный Миссіонеръ.

КЛЕВЕТА СТАРООБРЯДЦА

(Ө. Е. Мельникова)

на о. Іоанна Кронштадтскаго.

Изданіе второе.

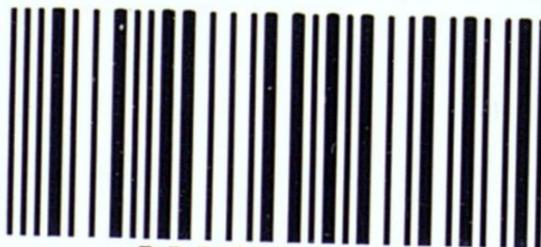

Цѣна 5 коп.

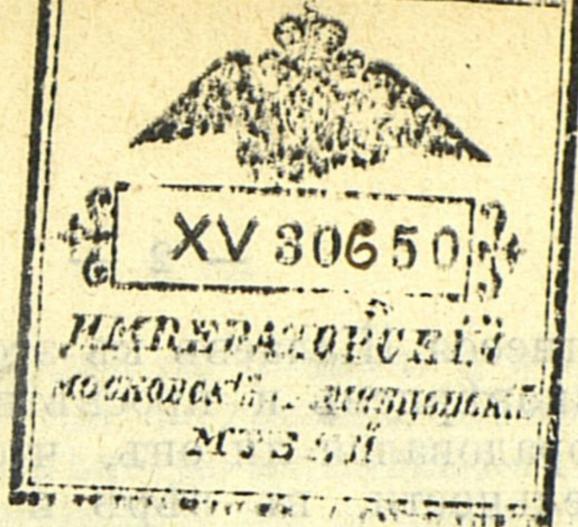
МОСКВА.

Типографія „Русская Печатня“ Б. В. Назаревскаго. Большая Садовая, д. № 14.

1915 г.

2007055058

1. Въ окружническомъ журналѣ „Церковь“ (1909 г., № 8) есть статья: Единовѣрцы и „новые святые“. Статья показываетъ настроеніе, въ какомъ находятся нѣкоторые старообрядцы, ихъ чувство въ отношеніи къ православію, къ единовѣрію и къ тѣмъ изъ членовъ церкви, кого считаетъ народное чувство святыми; но особенно она характерна, какъ показатель литературной фizioноміи старообрядческихъ писателей, подобныхъ ея автору, г. Шалаеву.

Въ газетѣ „Колоколъ“ (1908 г., № 776) „внѣсоюзническій начетчикъ“ И. Г. Водягинъ помѣстилъ письмо съ единственною цѣлью „засвидѣтельствовать фактъ гнусной и непростительной лжи (относительно его, Водягина) со стороны фактическаго редактора журнала „Церковь“ Ѳ. Е. Мельникова, который (допустилъ эту ложь) въ статьѣ подъ псевдонимомъ „Шалаевъ“. — Итакъ, авторъ разсматриваемой нами статьи есть не кто иной, какъ въ своемъ родѣ знаменитый журналистъ и начетчикъ австрійскаго толка Ѳедоръ Ефимовъ Мельниковъ.

2. Написана статья по поводу служенія епископомъ Гдовскимъ Кирилломъ *) для Петроградскихъ единовѣрцевъ, по ихъ чину, литургіи на мѣстѣ упокоенія приснопамятнаго о. Іоанна Кронштадтскаго. Не ясно ли, что Петроградскіе единовѣрцы черезъ это служеніе засвидѣтельствовали какъ свое почтительное и благоговѣйное отношеніе къ великому пастырю, такъ и единство свое съ православною церковью, къ которой онъ принадлежитъ? Единовѣрцы показали, что они, хотя и содержатъ старые обряды и въ этомъ смыслѣ и сами старообрядцы, не суть однако раскольники: ибо для раскольниковъ, какъ разъясняетъ г. Шалаевъ, о. Іоаннъ Кронштадтскій „чужой пастырь и ихъ молитва за него была бы самоотреченіемъ“; если же единовѣрцы молятся за о. Іоанна, значитъ онъ не чужой для нихъ, а именно свой, единовѣрный имъ. Это служеніе и молитва были такимъ образомъ живой проповѣдью, что православіе и единовѣріе одна церковь, а не двѣ, какъ говорятъ иногда старообрядцы. По этому же служенію и сами старообрядцы воочію могли убѣдиться, что только упорство мѣшаетъ имъ объединиться въ вѣрѣ со всѣмъ православнымъ народомъ и присоединиться къ церкви, а не самое старообрядчество или одно содержаніе старыхъ обрядовъ, ибо это же старообрядчество не мѣшаетъ единовѣрцамъ быть въ такомъ единеніи.

*) Нынѣ архіепископъ Тамбовскій.

Какъ же отнесся Шалаевъ къ этому радостному для православныхъ и единовѣрцевъ и просвѣтительному для старообрядцевъ факту? Порадовался ли онъ, что не на бумагѣ только, но и въ дѣйствительности, въ вѣрѣ и молитвѣ, православные и единовѣрцы составляютъ одну церковь, а не двѣ, какъ говорятъ старообрядцы? Обличилъ ли онъ неправильность этого ходячаго у нихъ мнѣнія? Сдѣлалъ ли назиданіе о возможности примиренія и соединенія съ церковію? Ничего подобнаго. Шалаевъ только старался унижить единовѣрцевъ и даже позволилъ себѣ наклеветать на усоншаго чтимаго и ими, какъ и прочими православными, пастыря.

3. Богослуженіе единовѣрцевъ у могилы о. Іоанна Шалаевъ объясняетъ „ни чѣмъ инымъ, какъ только непониманіемъ ими своего положенія“, даже какимъ-то „забвеніемъ своего существованія“. Но съ точки зрѣнія не раскола, видящаго ересь въ Грекороссійской церкви, а единовѣрія, составляющаго часть этой церкви, молитвы единовѣрцевъ за отца Іоанна Кронштадтскаго вполне понятны и свидѣтельствуютъ не о неразуміи ихъ, какъ кажется Шалаеву, а наоборотъ, о полнотѣ разумѣнія ими своего положенія въ православной церкви. Неспособный понять единства вѣры при разности обрядовъ, въ чемъ сущность единовѣрія, этотъ писатель судитъ объ единовѣрцахъ на свой ладъ,—онъ приписываетъ имъ мнѣніе, будто старые чины и обряды „болѣе спасительны, чѣмъ никоновскіе новые чины и обряды“, и ему „хотѣлось бы думать, что единовѣрцы собрались со своимъ служеніемъ по древнему чину у могилы Кронштадтскаго пастыря съ нарочитою цѣлью: показать торжество старообрядчества надъ новообрядчествомъ“. Увѣряя читателей, будто о. Іоаннъ „не признавалъ единовѣрія спасительнымъ и на всю Россію утверждалъ, что единовѣрцы невѣжды, преступники св. Церкви“, которыхъ „на страшномъ судѣ Христовомъ ждетъ наказаніе“, Шалаевъ весь смыслъ служенія единовѣрцевъ у гроба о. Іоанна видитъ не въ единеніи вѣры и любви между единовѣрцами и почившимъ пастыремъ, въ чемъ онъ состоитъ на самомъ дѣлѣ, а „въ презрѣннн ихъ къ этому пастырю, въ издѣвательствѣ надъ его вѣрованіями и убѣжденіями“; ему даже кажется, что „двуперстіе, это знамя торжествующей церкви“ (т.-е. старообрядческой), высоко поднятое надъ могилой этого пастыря, который при жизни будто бы „презиралъ древніе обряды“ и „столь сильно ратовалъ противъ“ этого перстосложенія, а теперь „съ ужасомъ увидѣлъ, что даже епископъ господствующей церкви благословляетъ его прахъ“ этимъ самымъ перстосложеніемъ, „дало понять и ему, что трудно „противу рожна прати“, хотя, конечно, онъ въ загробной жизни уже не можетъ „отречься отъ своего взгляда на единовѣріе“. Словомъ, молитву единовѣрцевъ за о. Іоанна Шалаевъ хотѣлъ бы въ мечтахъ своихъ замѣнить ихъ диспутомъ съ нимъ о перстахъ, когда и они, подобно извѣстнымъ спорщикамъ въ Грановитой палатѣ, кричали бы, поднявъ два перста: „препрехомъ,

побѣдихомъ“. Дальше перстовъ не пошелъ и этотъ современный намъ старообрядецъ. Безъ этой же грезящейся ему цѣли показать торжество двуперстія и презрѣніе ко взглядамъ о. Іоанна, Шалаеву непонятна молитва единовѣрцевъ за о. Іоанна, и она кажется ему такимъ же самоотреченіемъ, какъ была бы молитва за него старообрядцевъ-раскольниковъ. Онъ отождествилъ такимъ образомъ единовѣрцевъ съ раскольниками и показалъ свою полную неспособность понять единовѣріе, а своими предположеніями о цѣли служенія единовѣрцевъ надъ гробомъ о. Іоанна и отрицаніемъ разумности прямой и истинной цѣли этого служенія онъ незаслуженно и жестоко оскорбилъ ихъ; слова же его объ отношеніяхъ о. Іоанна Кронштадтскаго къ старымъ обрядамъ и къ единовѣрію есть одна сплошная его клевета на усопшаго.

4. Но этой клеветѣ Шалаевъ старается придать видъ правды. Цитируя журналъ „Кормчій“ (1903 г., № 32, стр. 378), онъ дѣлаетъ изъ него на 28 строкахъ выписку тѣхъ словъ, которыя будто бы „писалъ о. Іоаннъ Кронштадтскій въ 1903 году“. Но взгляните въ названный Шалаевымъ журналъ и вы увидите, что подъ статьей, изъ которой онъ выписалъ столько строкъ, какъ написанныхъ будто перомъ о. Іоанна Кронштадтскаго, стоитъ подпись: „Свящ. В. А. Черкесовъ“. Вы поражены, увидѣвъ вмѣсто имени протоіерея о. Іоанна Ильича Сергіева совсѣмъ другое имя...

Но, быть можетъ, „Свящ. В. А. Черкесовъ“ было доселѣ никому неизвѣстнымъ псевдонимомъ Кронштадтскаго пастыря? Въ такомъ случаѣ Шалаевъ долженъ былъ раскрыть этотъ псевдонимъ. Однако онъ ничего подобнаго не сдѣлалъ. Какъ ни мало вѣроятна мысль о псевдонимѣ въ объясненіе принадлежности цитированной Шалаевымъ статьи о. Іоанну Кронштадтскому, но мы ухватились за эту мысль въ надеждѣ спасти этого старообрядческаго писателя отъ позора быть выставленнымъ въ качествѣ безстыднаго лжеца предъ всей читающей Россіей. Мы обратились съ запросомъ объ авторѣ статьи въ редакцію журнала „Кормчій“, и получили отъ нея, за подписью издателя священника о. Симеона Ляпидевскаго, такое письмо отъ 5 марта 1909 г.: „Въ отвѣтъ на вашъ запросъ... имѣю честь сообщить, что подпись подъ статьей „О перстосложеніи для крестнаго знаменія“ („Кормчій“ 1908 г., № 32, стр. 378, 379): Свящ. В. А. Черкесовъ—вовсе не псевдонимъ о. Іоанна Кронштадтскаго, а подлинная подпись нашего постояннаго сотрудника о. Василія Аввакумовича Черкесова—Харьковскаго миссіонера. Покойный о. Іоаннъ подъ псевдонимомъ у насъ никогда ничего не помѣщалъ, а всегда за своею полною подписью. Странно и непонятно, почему „Церковь“ приписала эту статью о. Іоанну при наличности подписи о. Черкесова? Недоумѣваю“.

Можетъ быть, это невольная ошибка, и написанное о. Черкесовымъ Шалаевъ, цитируя на память, счелъ по забывчивости за написанное о. Іоанномъ? Но Шалаевъ цитируетъ не на память, когда возможно и ошибиться. Обозначивъ точно не только жур-

наль, но и годъ, и номеръ, и страницу, откуда онъ взялъ приведенныя имъ и заключенныя въ кавычки, какъ принадлежащія именно о. Иоанну, слова, онъ лишилъ читателя возможности предположить здѣсь невольную ошибку. Сверхъ того, Шалаевъ приводитъ свою цитату съ нарочитой цѣлью выставить взгляды на единовѣріе именно о. Иоанна, къ чему онъ побуждался всей задачей своей статьи, и смѣшать именъ невольно онъ не могъ.

Итакъ, на основаніи приведенной имъ цитаты изъ „Кормчаго“ Шалаевъ не имѣлъ никакого права говорить объ отношеніи къ единовѣрію о. Иоанна Кронштадтскаго. Онъ могъ бы, если ужъ ему казалось благовременнымъ, по поводу служенія надъ гробомъ о. Иоанна Петроградскихъ единовѣрцевъ, говорить объ отношеніи къ единовѣрію Харьковскаго священника о. Василия Черкесова, но никакъ не самого о. Иоанна.

5. Но Шалаевъ не ограничился одной только выдачей статьи о. Черкесова за статью о. Иоанна. Онъ извратилъ ея смыслъ. Вотъ что читаемъ у Шалаева: „Други мой, — писалъ о. Иоаннъ Кронштадтскій въ 1903 году, — одни изъ насъ спрашиваютъ, какое перстосложеніе болѣе правильное: двуперстное или троеперстное? Другіе говорятъ: если троеперстное сложеніе правильнѣе, то зачѣмъ же нѣкоторые изъ православныхъ крестятся двоеперстно? Третьи недоумѣваютъ: почему *менѣе православное сложеніе разрешено единовѣрцамъ* и т. п. Вотъ отвѣтъ мой на эти вопросы“... Изъ этой выписки мы видимъ, что о. Черкесовъ, ложно выданный Шалаевымъ за о. Иоанна Кронштадтскаго, хочетъ дать отвѣтъ своимъ вопрошателямъ на три вопроса относительно перстосложенія. Шалаевъ придалъ особенное значеніе третьему изъ этихъ вопросовъ, о двуперстїи единовѣрцевъ, подчеркнувъ этотъ вопросъ. Его интересъ къ этому именно вопросу понятенъ: вѣдь онъ приводитъ взглядъ яко бы о. Иоанна именно на единовѣріе. Но Шалаевъ и тутъ не могъ обойтись безъ поддѣлки. У автора написано: „Третьи недоумѣваютъ, почему *менѣе* правильное двоеперстное сложеніе разрешено единовѣрцамъ“, а Шалаевъ, дѣлая видъ (кавычки и курсивъ), что списываетъ чужія слова буквально, какъ и должно ихъ списывать, однако нарушаетъ это элементарное правило литературной добропорядочности и вмѣсто словъ: „менѣе правильное“ ставитъ въ своей выпискѣ: „*менѣе православное*“. Очевидно, Шалаеву хочется представить читателю, что о. Иоаннъ смотрѣлъ на обряды единовѣрцевъ не какъ на обряды православные, а какъ на какіе-то „менѣе православные“, и вотъ онъ съ этой цѣлью извращаетъ текстъ цитируемой статьи и подмѣняетъ одно слово другимъ, какъ-будто не понимая и не замѣчая разницы между понятіями: правильный и православный.

Но если бы Шалаевъ и въ самомъ дѣлѣ думалъ, что понятія: правильный и православный — тождественныя (что однако не оправдываетъ его въ извращеніи текста), то отъ подобнаго невѣжества свободенъ, конечно, о. Черкесовъ, употребившій выраженіе: „менѣе правильное перстосложеніе“ въ его собственномъ

смыслъ. Двуперстіе нашихъ старообрядцевъ и единовѣрцевъ, разсматриваемое со стороны изображаемой имъ несомнѣнно православною вѣры во Святую Троицу, такъ же православно, какъ и троеперстіе; а разсматриваемое со стороны художественности этого изображенія сравнительно съ троеперстіемъ, оно менѣе правильно, какъ и называли его вопросители о. Черкесова. Что только въ этомъ смыслѣ и самъ о. Черкесовъ называетъ двуперстіе менѣе правильнымъ, видно изъ слѣдующихъ его собственныхъ словъ: „Болѣе правильное перстосложеніе безъ сомнѣнія есть троеперстное, коимъ лучше и удобнѣе можно выразить нераздѣльность Лицъ Св. Троицы, чѣмъ двоеперстнымъ“. Слова эти составляютъ отвѣтъ на первый изъ рѣшаемыхъ имъ трехъ вопросовъ, именно на вопросъ о томъ, какое перстосложеніе болѣе правильное. Спорить противъ этого рѣшенія невозможно: для всякаго очевидно, что персты 1-й, 4-й и 5-й, по самому численію или порядку своему, не такъ удобны къ изображенію Св. Троицы, въ которой нѣтъ четвертаго и пятаго лица, какъ персты 1-й, 2-й и 3-й.

Шалаевъ опустилъ этотъ вопросъ, какъ опустилъ и столь же безспорную мысль, какой о. Черкесовъ предваряетъ весь свой отвѣтъ о перстосложеніи,—мысль о первенствующемъ значеніи въ дѣлѣ спасенія человѣка вѣры въ Троицу и въ церковь, надежды на Бога и любви къ Нему и къ ближнимъ и благочестивой и добродѣтельной жизни. „Объ этомъ, говоритъ о. Черкесовъ, прежде всего и больше всего нужно христіанину заботиться. Вопросъ же о перстосложеніи „есть вопросъ обрядовый, а потому и занимаетъ второстепенное значеніе въ дѣлѣ спасенія людей“. Это вопросъ не вѣры, а богослужебнаго чина или обряда. Въ послѣднемъ же единство, хотя, конечно, и желательно, но не есть необходимость, какъ въ первой. О. Черкесовъ для доказательства этой своей мысли приводитъ далѣе изреченіе св. Григорія Двоеслова (изъ посланія 41 къ Леандру), что „въ единой вѣрѣ ничего не вредитъ святой церкви разнообразность обыкновений“. Шалаевъ, конечно, не привелъ этихъ разсужденій о. Черкесова: вѣдь они показываютъ, что, разсматривая по существу, онъ и троеперстіе и двуперстіе, при единствѣ вѣры, считаетъ дозволительными для членовъ единой православной церкви и, значитъ, оправдываетъ единовѣріе, а Шалаевъ выставилъ о. Черкесова, подъ именемъ усопшаго о. Іоанна Кронштадтскаго, врагомъ этого единовѣрія.

Впрочемъ, Шалаевъ вправѣ былъ опустить изъ статьи о. Черкесова все то, что не относится прямо къ подчеркнутому имъ и извращенному вопросу объ единовѣрцахъ. Но отвѣтъ на этотъ, самый важный для его цѣли, вопросъ онъ долженъ былъ представить читателю. Посмотримъ, какъ онъ выполнилъ этотъ свой долгъ. Вслѣдъ за словами: „Вотъ мой отвѣтъ на эти вопросы“—Шалаевъ выписываетъ изъ статьи о. Черкесова слѣдующія слова: „Большой московскій соборъ 1667 г., разсмотрѣвъ современные ему споры по вопросу о перстосложеніи и провѣривъ свидѣ-

тельство о древности троеперстнаго перстосложенія, повелѣлъ православнымъ русскимъ людямъ молиться *троеперстно*, а не *двуперстно*. Это постановленіе обязательно для *всѣхъ* насъ, иначе мы будемъ *ослушниками* нашей матери церкви. „Аще церковь преслушаетъ,—говорить о таковыхъ Спаситель Христосъ,—буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь (Мат. гл. XVII, ст. 17). Поэтому нельзя не пожалѣть о *тѣхъ коренныхъ русскихъ православныхъ людяхъ* (хотя ихъ и немного), которые по крайнему своему невѣжеству крестятся *двуперстно*. Наблюдать это явленіе приходится болѣе всего въ мѣстахъ, соприкасающихся съ расколомъ. Правда, дѣлается это по невѣдѣнію, но можно ли будетъ на страшномъ судѣ Христовомъ оправдаться этимъ невѣдѣніемъ? Господь сказалъ: „Рабъ, который зналъ волю господина своего и не сдѣлалъ по волѣ его, битъ будетъ много“ (Журналъ *Кормій* 1903 года, № 32, стр. 378)“.

Вслѣдъ за этой выпиской Шалаевъ говоритъ: „Такъ строго осуждалъ о. Іоаннъ Кронштадтскій единовѣрцевъ, которые по „невѣдѣнію“ употребляютъ старые обряды“. Но, несмотря на такое увѣреніе Шалаева, для читателя явно, что въ приведенныхъ имъ словахъ о. Черкесова рѣчь идетъ не объ единовѣрцахъ, т.-е. людяхъ, бывшихъ прежде въ расколѣ и потомъ присоединившихся къ православной русской церкви съ удержаніемъ двуперстія и прочихъ такъ-называемыхъ старыхъ обрядовъ, а о природныхъ или, какъ пишетъ о. Черкесовъ, „коренныхъ православныхъ русскихъ людяхъ“, хотя и крестящихся, какъ единовѣрцы и старообрядцы, двуперстно же, но никогда не бывшихъ въ расколѣ. О двуперстіи тѣхъ и другихъ автору предлагались особые вопросы, и онъ далъ особые отвѣты на каждый изъ этихъ вопросовъ; а Шалаевъ сказанное имъ про коренныхъ православныхъ выдалъ за сказанное про единовѣрцевъ и вмѣсто третьяго отвѣта привелъ отвѣтъ второй, т.-е. опять допустилъ подтасовку, невысказанную для того, кто не забылъ, что значатъ совѣсть и честность.

Но и второй отвѣтъ Шалаевъ привелъ не весь. Сожалѣя, что коренные православные, крестящіеся, подъ вліяніемъ сосѣдей старообрядцевъ, двуперстно, оказываются ослушниками церкви, которая на Большомъ Московскомъ соборѣ постановила, чтобы всѣ православные крестились троеперстно, а не двуперстно, о. Черкесовъ причиною такого ихъ послушанія считаетъ невѣдѣніе; а на вопросъ, можно ли имъ на страшномъ судѣ Христовомъ оправдаться этимъ невѣдѣніемъ, даетъ такой отвѣтъ: „Господь сказалъ: „рабъ, который зналъ волю господина своего и не сдѣлалъ по волѣ его, битъ будетъ много“, но и тотъ, „который не зналъ, и сдѣлалъ достойное наказаніе, битъ будетъ (хотя и) меньше (Лук. XII, 47, 48).—Невѣдѣніемъ, значить, нельзя оправдаться предъ Господомъ“. Мы видѣли, въ какомъ видѣ выписалъ этотъ отвѣтъ Шалаевъ: онъ оборвалъ его на запятой, на словѣ „много“. Поступивши такимъ образомъ, Шалаевъ не замѣтилъ, что лишилъ отвѣтъ смысла; ибо слова Господа о наказаніи раба, созна-

тельно преступившаго волю господина своего, какъ могутъ служить отвѣтомъ на вопросъ о виновности согрѣшившихъ по невѣдѣнію?

Итакъ, ложь Шалаева не только въ томъ, что сказанное о Черкесовымъ о коренныхъ православныхъ онъ выдалъ за сказанное о. Іоанномъ Кронштадскомъ объ единовѣрцахъ, но и въ томъ, что онъ извратилъ сужденіе о. Черкесова о степени виновности первыхъ: о. Черкесовъ считаетъ ихъ послушаніе грѣхомъ невѣдѣнія, а Шалаевъ къ этому ихъ грѣху примѣняетъ слова Спасителя о наказаніи за грѣхъ вѣдѣнія и утверждаетъ, что о. Іоаннъ „такъ строго осуждалъ молящихся по невѣдѣнію двуперстно“, что „не сдѣлалъ имъ снисхожденія“, тогда какъ мнимый о. Іоаннъ, а въ дѣйствительности о. Черкесовъ, далѣе „въ утѣшеніе“ себѣ и „въ нѣкоторое оправданіе“ погрѣшающимъ по невѣдѣнію приводитъ опущенное Шалаевымъ соображеніе, что это ихъ послушаніе соборному повелѣнію касается предмета второстепеннаго въ дѣлѣ спасенія и состоитъ лишь въ употребленіи другого обыкновенія при той же вѣрѣ, что, по уже приведенному изрѣченію св. Григорія Двоеслова, нисколько не вредитъ святой церкви *).

Если бы такой отвѣтъ данъ былъ не о природныхъ православныхъ, крестящихся двуперстно, а и дѣйствительно объ единовѣрцахъ, какъ лживо представляетъ это Шалаевъ, то и тогда онъ могъ бы говорить только то, что есть въ этомъ отвѣтѣ, т.-е. что авторъ статьи считаетъ единовѣрцевъ послушниками церкви въ вопросѣ второстепенной важности и что это ихъ послушаніе относительно двуперстія есть грѣхъ невѣдѣнія только, а не сознательнаго противленія церкви. Откуда же Шалаевъ взялъ то, что онъ написалъ будто бы на основаніи сдѣланной имъ выписки изъ „Кормчаго“?

Но, какъ мы сказали, о. Черкесовъ далъ объ единовѣрцахъ нарочитый отвѣтъ, не приведенный Шалаевымъ. Послѣ отвѣта на второй вопросъ о. Черкесовъ продолжаетъ: „Что же касается наконецъ вопроса, почему двоеперстіе разрѣшено единовѣрцамъ, то на это прежде всего должно замѣтить, что разрѣшеніе это дано церковію“, и далѣе высказываетъ слѣдующія мысли: наста-

*) О. Черкесовъ могъ бы указать и на прямое распоряженіе церковной власти по рѣшаемому имъ вопросу, изъ котораго видно, что двуперстіе, когда оно не служитъ знаменемъ раскола и отдѣленія отъ церкви и ея таинствъ, а употребляется въ единеніи съ нею, снисходительно допускается церковной властью. Мы разумѣемъ опредѣленіе Св. Синода отъ 26 марта 1764 года, въ которомъ говорится буквально такъ: „которые православной церкви не чуждаются и таинства церковныя отъ православныхъ священниковъ пріемлютъ, а только двуперстнымъ сложеніемъ по своему неразумію крестятся... тѣхъ отъ входа церковнаго и отъ таинствъ не отлучать и за раскольниковъ ихъ не принимать“... Слѣдуетъ обратить вниманіе, что это опредѣленіе высшей въ Россіи церковной власти сдѣлано еще до учрежденія единовѣрія и издано къ непремѣнному вѣдѣнію властей и всѣхъ священно- и церковно-служителей. Напечатано оно въ Собраніи постановленій по части раскола, кн. I, стр. 604—605 (СПБ., 1860 г.).

вляемая вѣчно живущимъ въ ней Святымъ Духомъ на всякую истину, церковь разрѣшила обратившимся изъ раскола немощнымъ въ вѣрѣ отмѣненное соборомъ двуперстіе по снисхожденію къ нимъ, ради мира церковнаго, выше котораго ничего не можетъ быть, и поступила такъ по примѣру святого апостола Павла, который для немощныхъ былъ немощень, чтобы пріобрѣсти немощныхъ (I Кор. 9, 22), и оказывалъ снисхожденіе для немощныхъ въ отношеніи къ отмѣненному апостольскимъ соборомъ обрѣзанію (Дѣян. 16, 3), а также по примѣру святыхъ Василія Великаго и Григорія Богослова, которые, чтобы спасти духоборцевъ и примирить ихъ съ церковью, разрѣшали имъ, признавая Духа Святаго Богомъ, не употреблять слова Богъ. Такое, снисходительно церковью данное единовѣрцамъ, разрѣшеніе о. Черкесовъ считаетъ дѣйствіемъ святымъ, непогрѣшительнымъ и безспорнымъ для всѣхъ ея членовъ: „это ея дѣло, ея власть, ея право, и не наше дѣло входитъ въ разсужденіе сего“,—говоритъ онъ.

Послѣ ознакомленія съ отвѣтомъ о. Черкесова на вопросъ, почему двуперстіе дозволено единовѣрцамъ, становится понятнымъ, почему Шалаевъ не могъ привести для своихъ читателей этого отвѣта: каждое слово этого отвѣта обличало бы его клеветы на о. Иоанна Кронштадтскаго, если бы они даже и не знали объ его первой лжи, что авторъ цитируемой имъ статьи не о. Иоаннъ. Изъ этого отвѣта даже самый малограмотный читатель „Церкви“ могъ бы понять, что выданный Шалаевымъ за о. Иоанна этотъ авторъ вовсе не былъ противникъ, но, наоборотъ, былъ защитникъ церкви, непогрѣшительно, по наставленію Святаго Духа, снисходительно установившей единовѣріе ради спасенія немощныхъ совѣстію людей, что онъ никогда не говорилъ, будто единовѣріе не спасительно, и не „утверждалъ на всю Россію, что единовѣрцы невѣжды“ и „сознательные преступники церкви“, и нигдѣ не „увѣрялъ своихъ друзей“, что единовѣрцы будутъ биты на страшномъ судѣ Христовомъ за свое двуперстіе, тѣмъ болѣе не грозилъ самъ бить ихъ, какъ пишетъ про него Шалаевъ...

6. Дѣйствительныя отношенія о. Иоанна Кронштадтскаго къ единовѣрію были совершенно иныя, чѣмъ тѣ, которыя измышлены Шалаевымъ. Единовѣрческій священникъ съ Рогожскаго кладбища о. Іаковъ Силинъ въ письмѣ отъ 23 марта 1909 года сообщаетъ намъ объ отношеніи о. Иоанна къ покойному, извѣстному не одной Москвѣ, достопочтенному единовѣрческому протоіерею о. Иоанну Гавриловичу Звѣздинскому: „Ученикъ о. Иоанна Кронштадтскаго о. Александръ Александровичъ Зыбинъ (поступившій въ священники около 9 лѣтъ назадъ въ городъ Ревель, въ одно подворье женской обители, основанной съ помощью дорогаго о. Иоанна) часто бывалъ прежде въ Москвѣ у о. Иоанна Звѣздинскаго и всегда привозилъ и свидѣтельствовалъ о. Иоанну Звѣздинскому почтеніе отъ о. Иоанна Кронштадтскаго“. Въ томъ же письмѣ о. Іаковъ пишетъ: „Знаю, что о. Иоаннъ Кронштадтскій помогаль едино-

вѣрческому священнику. Харьковою губерніи, Купянскаго уѣзда, села Кармазиновки, о. Тимоѳею Раздобарову, который, благодаря о. Іоанну Кронштадтскому, выстроилъ не одну единовѣрческую церковь въ Харьковской губерніи. О. Раздобаровъ часто бывалъ въ Кронштадтѣ и непремѣнно служилъ съ дорогимъ отцомъ Іоанномъ Кронштадтскимъ. О. Раздобаровъ скончался въ 1897 году въ санѣ протоіерея; былъ обращенъ изъ раскола безпоповцевъ вмѣстѣ со своей женой, которая въ настоящее время (съ именемъ Матроны) настоятельствуетъ въ обители женской, основанной и устроенной ея мужемъ, о. Раздобаровымъ, съ помощью и благословеніемъ все того же о. Іоанна Кронштадтскаго въ томъ же Купянскомъ уѣздѣ“. Другой московскій единовѣрческій священникъ отъ Троицкой церкви у Салтыкова моста, гдѣ единовѣрческая типографія, благочинный о. Григорій Шлеевъ *) въ письмѣ отъ того же числа пишетъ намъ: „покойный о. Іоаннъ Кронштадтскій въ милости своей не обходилъ и единовѣрческихъ іереевъ. На моей родинѣ, въ селѣ Являхъ Симбирской губерніи, Алатырскаго уѣзда, строился вновь единовѣрческій храмъ. Священникъ этого храма о. Іоаннъ Костинъ обратился къ о. Іоанну Кронштадтскому, и онъ пожертвовалъ порядочно и сказалъ: „Богъ вамъ да поможетъ устроить храмъ“. Священникъ и послѣ неоднократно у него бывалъ и сподобился совмѣстно съ нимъ служить. Въ тотъ же храмъ (о. Іоаннъ) пожертвовалъ дорогія облаченія. Священникъ Костинъ построилъ великолѣпный храмъ и всегда говорилъ, что первое благословеніе и жертву получилъ отъ о. Іоанна Кронштадтскаго. Въ селѣ Спасскомъ Нижегородской губерніи вновь построенъ былъ единовѣрческій храмъ, въ который я и былъ посвященъ въ іереи. Строитель храма Алексѣй Осиповичъ Баксинъ передавалъ мнѣ, что о. Іоаннъ много ему жертвовалъ на построеніе этого храма. Передавали и другіе единовѣрческіе священники, которые обращались къ о. Іоанну, и онъ всѣмъ безъ исключенія помогалъ. Это ложь, чтобы покойный о. Іоаннъ былъ врагомъ единовѣрія. Сколько у меня перебывало за 15 лѣтъ моего здѣсь (въ Москвѣ) служенія единовѣрческихъ іереевъ сборщиковъ; и которые обращались къ о. Іоанну, всѣ получали отъ него милость и благословеніе на святое дѣло построенія и благоуукрашенія единовѣрческихъ храмовъ“. Единовѣрческій священникъ села Семеновки Владимірской губерніи о. Александръ Цвѣтковъ пишетъ намъ отъ 15 апрѣля 1909 года, что онъ неоднократно служилъ съ о. Іоанномъ Кронштадтскимъ на подворьѣ Леушинскаго монастыря въ Петербургѣ и въ самомъ Леушинскомъ монастырѣ въ Новгородской епархіи, „не отступая отъ присущихъ единовѣрцамъ старообрядческихъ обычаевъ“. При свиданіи мать игуменія Таисія отрекомендовала о. Іоанну о. Цвѣткова, какъ бывшаго раскольника, а нынѣ единовѣрческаго свя-

*) Въ настоящее время о. Григорій Шлеевъ настоятельствуетъ въ единовѣрческой церкви города Вольска, Саратовской губерніи.

щенника, и о. Іоаннъ самъ предложилъ этому единовѣрческому священнику служить съ нимъ. О. Іоаннъ подарилъ ему свой портретъ съ подписью: „Собрату о Христѣ, О. Іерею Александру Цвѣткову. Протоіерей Іоаннъ Сергіевъ. 2 іюля 1903 г.“. Полагаемъ, что для опроверженія лживости утверженій Шалаева достаточно и этихъ трехъ свидѣтелей: о. Іоаннъ входилъ въ положеніе единовѣрцевъ, жертвовалъ на строеніе ихъ храмовъ и, самое главное, служилъ съ единовѣрческими священниками и причащался съ ними отъ единой трапезы Христовой и, значитъ, не былъ врагомъ единовѣрія, какъ его представилъ клеветникъ Шалаевъ, т. е. Ѳедоръ Мельниковъ.

7. Такъ вся хитросплетенная клевета Шалаева-Мельникова на о. Іоанна разсѣивается, какъ дымъ, при сличеніи поразительно лживой его статьи со статьею о. Черкесова, которую онъ выдалъ за статью о. Іоанна и смыслъ которой извратилъ, и съ дѣйствительными отношеніями о. Іоанна къ единовѣрію, и вамъ становится невыносимо грустно за этого человѣка, который, очевидно, не вѣритъ слову Писанія, что „лукавнующіи потребятся“ и что „любяй неправду ненавидитъ свою душу“ (Псал. 36, 9 и 10, 5).

Но какъ жаль тѣхъ читателей старообрядческаго журнала, которые неспособны разобратъся во лжетолкованіяхъ и подтасовкахъ, какія позволяютъ себѣ подобные Шалаеву писатели этого журнала: они, конечно, не предполагаютъ обмана, а между тѣмъ эти писатели нерѣдко питаютъ ихъ вмѣсто истины ложью и клеветой. Не даромъ же ихъ собственный, нынѣ уже усопшій (1915 г.), архіепископъ (Московскій Іоаннъ) передъ наступленіемъ свѣтлыхъ дней святой Пасхи въ 1909 году вынужденъ былъ сдѣлать старообрядческимъ обществамъ „предупрежденіе“, чтобы не довѣрялись тому, что пишется по разнымъ церковнымъ вопросамъ въ журналахъ *Церковь* и *Старообрядцы* („Церковь“, 1909 г., № 14). Ужъ если въ вопросахъ, касающихся старообрядчества, эти писатели не заслуживаютъ довѣрія, по этому отзыву о нихъ ихъ архіепископа, то какого же довѣрія могутъ заслужить они въ своихъ разсужденіяхъ о православной церкви и ея дѣятеляхъ? Мы уже показали однажды лживость Шалаева въ его статьѣ о „Московскомъ миссіонерствѣ“ (См. наше „Открытое письмо Совѣту старообрядческаго братства честнаго и животворящаго креста“). Теперь читатели видятъ безчестные приемы этого писателя въ его разсужденіяхъ о славномъ Кронштадтскомъ пастырѣ.

8. Но для чего же Шалаевъ сдѣлалъ этотъ явный и немислимый для порядочнаго человѣка подлогъ? Съ какою совѣстью онъ выдалъ слова еще тогда (въ 1909 г.) здравствовавшаго и писавшаго въ „Кормчемъ“ о. Василя Черкесова за слова о. Іоанна Сергіева-Кронштадтскаго? Къ чему эта выписка изъ „Кормчаго“ и вся связанная съ нею ложь Шалаева? Вѣдь и для этихъ дурныхъ дѣйствій были же какія-нибудь побужденія! Шалаевъ

зналъ, съ какой неудержимой силой стремился народъ къ своему молитвеннику, учителю, благодетелю и чудотворцу при его жизни. О. Іоаннъ умеръ, но смерть не пресѣкла народной любви къ нему, и Шалаевъ видитъ, какъ великъ потокъ поклонниковъ къ его дорогой для вѣрующихъ гробницѣ. О. Шалаевъ хотѣлъ бы остановить этотъ могучій потокъ... Вѣдь о. Іоаннъ не старообрядецъ, онъ православный, и его слава есть слава православной церкви, которую Шалаевъ считаетъ за еретическую. Его, недугующему расколомъ, сердцу несносно это прославленіе „новаго святого“ Грекороссійской церкви,—такъ онъ въ кавычкахъ, иронически, а по-нашему — невольно говоря истину, называетъ о. Іоанна Кронштадтскаго, какъ и уже причисленнаго церковью къ лику святыхъ о. Серафима Саровскаго. Скорбь Шалаева усиливается, когда въ общемъ хорѣ прославляющихъ о. Іоанна онъ увидѣлъ и единовѣрцевъ, бывшихъ когда-то въ расколѣ съ церковью, а нынѣ ея вѣрныхъ чадъ. Это единовѣріе тоже несносно для закоренѣлой вражды тѣхъ старообрядцевъ, которые защищаютъ свой расколъ съ церковью: оно—живой обличитель ихъ упорства въ этомъ расколѣ, въ нежеланіи соединиться съ нею, несмотря на все ея снисхожденіе относительно обряда. И вотъ Шалаевъ, воображая, что единовѣрцы такъ же, какъ и старообрядцы, всю силу вѣры полагаютъ въ храненіи общаго у нихъ съ послѣдними обряда, и рассчитывая на ихъ пристрастіе къ этому обряду, клевететь на о. Іоанна, какъ на ненавидѣвшаго будто бы старый обрядъ и единовѣріе. Его цѣль отвести по крайней мѣрѣ очи единовѣрцевъ отъ этой сіяющей звѣзды православія и внушить старообрядцамъ, расположеннымъ къ единовѣрію, что о. Іоаннъ осуждалъ его, и черезъ это отдалить ихъ отъ церкви. Но ему надо было найти хоть что-нибудь, къ чему бы прицѣпить свои разсужденія о мнимомъ осужденіи ненавистнымъ ему „новымъ святымъ“ ненавистнаго ему единовѣрія. Но ни въ жизни о. Іоанна, ни въ его сочиненіяхъ онъ не могъ найти ничего враждебнаго единовѣрію, хотя, конечно, видѣлъ въ нихъ много обличеній расколу и прочимъ заблужденіямъ. Но это его не смутило: онъ роется въ журналахъ за старые годы, отыскиваетъ статью о. Черкесова, выдаетъ ее за статью о. Іоанна Кронштадтскаго, искажаетъ ея смыслъ и при помощи такихъ приѣмовъ хочетъ изобразить о. Іоанна, какъ врага единовѣрія. Но, какъ и всегда у свидѣтелей неправедныхъ, такъ и на этотъ разъ „солга неправда себѣ“ (Псал. 26, 12).

СОЧИНЕНІЯ

Прот. Іоанна Полянскаго, Москов. епархіального миссіонера.

1. Записки миссіонера.—Бесѣды съ старообрядцами.

Изд. 3, въ 17 книжкахъ:

Р. К.

1. Въ моленной у филипповцевъ.	—	20
2. Единовѣріе и расколь.	—	10
3. Старовѣрскіе страхи.	—	10
4. „Тянетъ къ старой вѣрѣ“.	—	10
5. Печать антихристовъ.	—	10
6. Дѣдушка Евсеѣй, странническій наставникъ.	—	15
7. Грѣхи людскіе.	—	10
8. Спасова вѣра.	—	10
9. Вопль безпоповца.	—	10
10. Главный догматъ старовѣрья.	—	10
11. Старинныя книги обличаютъ старовѣровъ.	—	5
12. Бракоборы.	—	15
13. Притчи о мастерѣ и инструментѣ и о ключахъ.	—	10
14. „Ереси“ церковныя.	—	5
15. Баба-попъ.	—	10
16. Фанатизмъ и лукавство.	—	10
17. „Не нашъ учитель!“.	—	10

То же. Изд. 4, въ одной книгѣ. 1 80

2. Церковныя бесѣды или миссіонерскія проповѣди противъ безпоповцевъ. Семь таинствъ. Изд. 2, въ 5 книжкахъ:

1. Таинство священства.	—	15
2. Таинства крещенія и миропомазанія.	—	10
3. Таинство исповѣди.	—	5
4. Таинство причащенія.	—	15
5. Таинства брака и елеосвященія.	—	15

То же. Изд. 3, въ одной книгѣ. . . . . — 50

3. „Вѣчная правда“ (противъ Комиссарова). Изд. 2-е. . . . . — 15

4. Старообрядцы и Высочайшій указъ 17 апрѣля 1905 года (Нѣтъ въ продажѣ). . . . . — 30

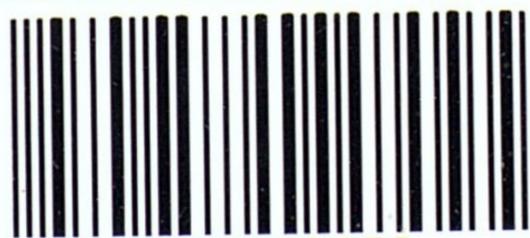
5. Бесѣда о троеперстїи въ православной церкви до лѣтъ Никона патріарха. Изд. 3. . . . . — 10

6. Правда ли, что имя Спасителя должно произносить только *Исусъ* и никакъ нельзя произносить *Иисусъ*? (Противъ Усова). Изд. 2. . . . . — 30

	Р.	К.
7. Клевета старообрядца (Θ. Е. Мельникова) на о. Іоанна Кронштадтскаго. Изд. 2.	—	5.
8. Почему на миссіонерскихъ бесѣдахъ въ Москвѣ не позволяется начетчикамъ говорить рѣчей народу? (Нѣтъ въ продажѣ).	—	10.
9. Старообрядецъ Арсеній Морозовъ, какъ охранитель православной миссіи.	—	5.
10. О каноническомъ достоинствѣ Стоглаваго собора.—Бесѣда съ Д. С. Варакинымъ. Изд. 2.	—	10.
11. О каноническомъ достоинствѣ Большаго Московскаго собора.—Бесѣда съ Д. С. Варакинымъ. (Печатается)	—	10.
12. Нуженъ ли единовѣрческій епископъ?	—	10.
13. О священническомъ титулѣ (Изъ бесѣдъ съ австрійцами) Изд. 2.	—	5.
14. Открытое письмо Совѣту Московскаго старообрядческаго братства Честнаго и Животворящаго Креста.	—	10.
15. Попытка Московскихъ старообрядцевъ-окружниковъ чрезъ Святѣйшій Синодъ получить для своихъ начетчиковъ равноправіе съ миссіонерами.	—	10.
16. Путь Господень и человѣческія заблужденія. — Миссіонерская проповѣдь противъ раскола Изд. 2	—	3.

Выписывать отъ автора по адресу: *Москва, Духовная Семинарія.*

2007055058